

Как писалась история деревни

Прошло два года, как я завершила написание истории своей родной деревни, опубликовала две достаточно солидные по объему книги на татарском и русском языках («Бэзэкэм, туган бишегем» - Казан, 2016, 456 б. - и «Колыбель моя, Бизяки» - Казань, 2017, 528 с.) и представила их на суд читателей. Для меня это была совершенно новая и очень ответственная работа. Сегодня хочу поделиться с читателями своими воспоминаниями о том, как писалась эта история.

Свои записи начну с выражения безмерной благодарности всем, кто проявил интерес к этому исследованию. Это, прежде всего, мои родственники, друзья и односельчане, помогавшие в процессе написания своими воспоминаниями, поисками фотографий и т.д. и с нетерпением ожидавшие результатов работы. Это и научная общественность, и краеведы, любители истории, поддержавшие меня своими советами и добрым отношением. Особая моя благодарность всем тем, кто с таким энтузиазмом подготовил и провел презентацию этих книг в Бизяках и Казани.

Естественно, я с большим волнением ожидала результатов встречи книг с читателями, прежде всего, с односельчанами. Не покажется ли им содержание книг слишком сложным и скучным? Удовлетворит ли их подача материала? Как они отнесутся к обобщающей форме изложения истории деревни (ведь каждый, наверняка, будет искать сведения о своих предках)? Подобные вопросы вставали передо мной как в процессе написания, так и после того, как была поставлена последняя точка. Любое сочинение не бывает лишено недостатков и досадных ошибок, хотя ни один автор не желает их допускать.

Конечно, как историк, я бы хотела еще поработать в архивах, разыскивая новые материалы, поразмыслить над уже собранным, продолжить анализ документов. Но безжалостное время подгоняло меня: хотелось завершить начатую работу. Никто не знает, что его ожидает впереди, а я поставила цель написать историю села на двух языках. Вроде бы появление издания на двух языках и не требует объяснения. Оно лежит на поверхности. Во-первых, основная база наших источников на русском языке. И научное сообщество для изложения результатов своих трудов чаще использует русский язык. Для односельчан мне хотелось изложить историю нашего села на родном языке. Молодое же поколение бизякинцев, выросшее в городах, затрудняется (не может) читать книги на татарском языке. Следовательно, их должна заинтересовать история села в русском варианте. Однако, судя по тому, как расходуется издание на русском языке, у молодых вообще нет времени, да и желания, читать книги на любом языке. Да и интерес к ближней истории у них, видимо, еще не проснулся (он обычно приходит в зрелом возрасте). Русский вариант сочинения, таким образом, я писала прежде всего для наших потомков. Кроме того, в нем я продолжала анализ документов, пытаюсь додумать то, что только начинало оформляться в моей голове во время написания первой книги.

Конечно, как никто другой, я понимаю, что мое исследование далеко от совершенства. В нем многое не раскрыто, не досказано. Оно фрагментарно. Многие факты и события даются лишь как мое предположение, гипотеза, вытекающая из анализа документов, которых, почти всегда, бывает недостаточно, и моих исторических знаний. Здесь я хочу подчеркнуть, что большая (и, на мой взгляд, самая интересная) часть труда исследователя остается за кадром, т.-е., в работе не показывается. Поэтому я решила, что рассказ о «кухне» историка может заинтересовать и читателей.

Безусловно, самый увлекательный этап любого исторического исследования – это поиск источников. Он начинается как в сказке – «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...». Определив это, можно начинать поиски, сравнимые разве что «с поисками иголки в стоге сена». Конечно, этот, по сути, бесконечный этап, в какой-то момент можно приостановить (завершить) и приступить к самому сложному этапу работы – чтению и анализу документов. Ясно, что чем древнее документ, тем труднее его прочитать. Почерк и степень грамотности писца, особенности древнерусской скорописи и старого татарского письма, сокращения, искаженное написание татарских имен и названий, описки и т.д., наконец, сохранность документа - все это влияет на успешность работы исследователя.

Приведу конкретный пример. В книгах я специально поместила не только мое прочтение архивного документа, но и его ксерокопию – это материалы первой ревизской сказки 1719 года деревни Бизяки. С помощью специалистов по древнерусской скорописи нами документ был расшифрован. Встречающееся в нем одно из имен было прочитано как «сотник Тишко Тинебяков, 85 лет». Казалось бы, можно на этом успокоиться и зафиксировать, что в деревне Безяки жил сотник Тинебяков (Тинебаков), имя

которого писец записал как имя мальчишки – Тишка. Но мне не давало покоя не столько уменьшительно-уничжительная запись (так тогда было принято), сколько имя. Какое татарское имя могло скрываться под этим сокращением – не Тихон же! Я начала поиски. Наверно, не осталось в Казани ни одного знатока, к кому бы я не обратилась за помощью. Я вновь и вновь по буквам и элементам рассматривала текст (благо компьютер позволяет увеличивать его размеры), пока как-то меня не осенило. Я попробовала заменить букву «и» на другие - «к, н, п». В результате получилось имя Ткшко – Текешко – Такашко...

Относительно отсутствия гласных – в древних документах очень часто их не писали. Например, даже в этом документе мы встречаем «гсдря-государя», «дрвни-деревни» и другие. Почему же мне «Тишко» не прочитать как «Текешко»? Внимательно изучая документ дальше, я обнаружила, что при повторном написании спорная буква больше похожа на «к». Это меня еще больше убедило в правоте такого подхода. Тем более, что такое имя носил один из моих прадедов, живших в XVIII веке. И я, на мой взгляд, вполне обоснованно предположила, что сотник Текешко Тинебяков, указанный в документе, и есть мой прадед. Так наша родословная пополнилась еще одним именем – отца Такаша звали Тинебяк (Тинебэк).

Теперь еще об одном бизякинце, имя и деяния которого не давали мне покоя долгое время. Это Тагир-бабай, о котором составитель родословных бизякинцев Тазетдин Шакиров записал на одной из страниц “Тагир-бабай умер в 1545 году”. При этом он не связал имя этого пращура ни с одним из родов. Еще в 90-х годах я много думала о том, почему в родословную книгу, куда внесены имена бизякинцев, живших в XVIII-XX веках, попало имя из XVI века. Что он совершил такого, что даже в середине века двадцатого с почтением записали дату его смерти? Над решением этой задачи мы не раз “ломали головы” и вместе с Файзелхак абый Хуснутдиновым и Хай абый Гильфановым. Однако решения тогда так и не нашли.

В процессе работы над историей Бизяков я вновь вернулась к этим вопросам, точнее, эти вопросы постоянно “крутились” в моей голове. В один из дней на меня “снизошло озарение”: я предположила, что Тагир бабай вполне мог быть тем лицом, кто получил грамоту с подтверждением вотчинных прав бизякинцев на землю. Ведь в этом случае естественно, что благодарные потомки помнили его имя на протяжении четырех с лишним веков и поминали его в своих молитвах. Продолжением этих размышлений стала допустима гипотеза, что **Тагир бабай** и **Тогай Беляков**, с чьим именем в документах XVII-XIX веков связаны права бизякинцев на вотчину, вполне могут оказаться одной и той же личностью.

Итак, **Тогай Беляков** – еще один наш предок, о чьей личности мне хотелось бы узнать больше, чье имя до сих пор не дает мне покоя. Но его история несколько приоткрылась для меня лишь после издания обеих книг. И это уже другая история, которую, возможно, в будущем я также предложу вниманию посетителей сайта.

А.Х.Махмутова (февраль 2019 г.)

